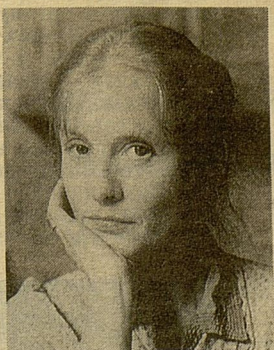

Шабрасс Клод

СТАРАЯ ПРОФЕССИЯ

Pour les spectateurs russes qui vont
pour enfin s'amuser à regarder nos
films autant que nous nous plaisions à regarder
les films russes

Claude Chabrol

ТАЛАНТ — НЕКАЯ БЕЗВОЛЬНАЯ МАССА?

Директор французского журнала «Кайе дю синема», Серж Турбинан, любезно предоставил «ЭС» свое интервью с двумя отъявленными звездами французского и мирового кино — Клодом Шабролем и Изабель Юппер.

Незадолго до этого Клод Шаброль в Женеве, встретившись с нашим корреспондентом Игорем Гусковым, отправил в адрес «ЭС» особое «эксклюзивное» послание.

«Русским читателям, которые могут, наконец, радоваться, смотря наши фильмы, в те время, как мы плачем, смотря фильмы их».

— Что вы думаете о новом поколении французских кинематографистов?

Шаброль. — Я почти не знаю это поколение. Но в какой-то степени оно меня пугает. Слишком в свои под тридцать они все расторопны и «многоостаночны». Слишком они способны на все, что угодно. Занимаются режиссурой, хотят писать сценарии. Я всегда считал, что профессии режиссера следует угодать.

Юппер. — Мне тоже кажется, что нынешнее поколение актеров уж очень бойко. А самое главное — в корне этого ремесла, так мне, во всяком случае, кажется, лежит необычайная пассивность. Я знаю, такое определение покажется уничижительным, но актер — он в чем-то монах. Он должен оберегать душу от проникновений извне. Должен отворачиваться, когда обычные пороки и соблазны атакуют или подступают близко. Актер — это каждодневное состояние обостренной восприимчивости. Если он начинает мешать ремеслу, опасность подстерегает его.

— Клод, в тот момент, когда вы говорите «мотор», допускаете ли вы, что актер принудит себя начать. Через силу. Без всякого вдохновения.

Ш. — Нет. Я жду, что он меня ошеломит. И знаете чем? Материализацией моей же собственной бестелесной идеи, тайно вынашиваемой в душе: я жду, что актер оплодотворит ее, даст ей жизнь. А она, материализовавшись, все равно останется моей идеей! Моим хромосомом. Вот почему я люблю актеров. Они оживляют...

Ю. — Я понимаю, о чем говорит Шаброль. Но у меня со своей стороны немного другие ощущения, едва уловимые. Слово легчайшее дуновение ветерка. Еще миг, и идея оживает. Такое сказочное детское рождественское, кожей ощущаемое ожидание чуда.

Ш. — Когда я увидел Изабель, я понял, или точнее меня осенило: вот та, которая меня удивит. Которая выполнит задачу всегда лучше, чем я предположу. Правда, никогда, даже при самом большом ошеломлении, я не теряю из вида, что существует некое конкретное направление, куда мой фильм пойдет.

Ю. — Клод, вероятно, хочет сказать, что актриса актрисой...

Ш. — Я хочу только сказать, что это элементарная режиссерская интуиция. Видимо, она и есть профессионализм. Концепция фильма всегда в голове.

Ю. — Но Клод, отдать свою идею актрисе, значит, спровоцировать ее на определенный риск. Должна существовать фантастическая гармония между режиссером и исполнителем, чтобы эта провакация или то, что Клод называет ошеломлением, состоялось. В противном случае — всегда следует ждать горького разочарования.

Ш. — Я все-таки хочу пояснить немного, что Изабель называет провокацией. Она чуть более категорична в своих суждениях. Я просто даю расплывчатую идею, то, что выстраивается, вылепливается у меня в голове. Но, если я вижу, что актер или актриса чувствует мою идею как-то по-другому, видит ее иначе, я просто-напросто отдаю ему — ей роль. Грубо говоря, я делаю все, чтобы актер чувствовал себя в этой шкуре удобно. И делаю все. Стараясь не вмешиваться в процесс игры. Не даю советов... Стараясь даже облегчить ему задачу правильным полжением камеры.

— Сейчас принято утверждать, что камеру надо ставить как можно дальше от актера.

Ш. — Я упрямо и раздраженно пытаюсь доказать обратное. Игра актера на съемочной площадке напрямую связана с положением камеры. И я считаю ошибочным положение, при котором камеру ставят как можно дальше, чтобы актер якобы чувствовал себя свободнее и самостоятельнее. Чем ближе камера, тем точнее он может сосредоточенно на

идею. Камера, которая совсем рядом, гораздо лучше режиссера: она молчаливый режиссер.

Ю. — Актер отлично знает, какой момент в той или иной мизансцене самый сильный и какой требует большего эмоционального накала. И, если камера находится в такой острый момент дальше от меня, я чувствую неуверенность. Более того, Клод приучил меня к мысли, что я вкладываю свою игру — то есть смесь чувств — в камеру. Я отдаю ей. Или отдаюсь ей. Понимаете? Это такое чисто физическое ощущение. Я чувствую облегчение, когда камера надвигается на меня.

— Клод Шаброль строг на съемочной площадке?

Ю. — Для меня всегда очень важен самый первый день съемок. Клод в независимости от того, как идут дела, в первый день разговаривает только комплиментарными восклицаниями: «Это идеально, Изабель! Это прекрасно! Ты совершенствуй!» И я понимаю, что в его словах более всего не искреннего восторга, а доверия ко мне. Потому что похвала в принципе очень обязывающая вещь. Пройдет неделя, две, я устану, но мне придется отработать эти комплименты, чтобы не скомпрометировать Клода, чтобы никому потом не пришлось в голову сказать: он бросает слова на ветер. Доверие — это то, на чем держится наш с Клодом союз.

— Есть еще одно понятие, о котором вы почему-то, избегаете говорить вслух между собой, — талант.

Ш. — Есть люди талантливые, есть бесталанные. Бесталанные могут быть хороши какой-то один-единственный раз. И даже не по случайности, а просто то, что они играют, может полностью совпасть с их характером. Иными словами, они выполняют совсем нетрудную работу. Талантливый человек — это тот, кто способен превратиться в пластилин, стать мягкой однородной массой, которая каждый раз словно по «мановению» скалки разглаживается, чтобы превратиться в материю для образа, ничем не похожего на предыдущий, ни одним нюансом не напоминающего последующий... А затем вновь смыть с себя грим, макияж и стать однородной массой. А затем вновь перевоплотиться. И делать это десятки раз, сотни, тысячи. Пока жив. Это и есть талант. С моей точки зрения, нормальный человек на такое перевоплощение не способен. Чтобы каждый раз становиться безликой однородной массой, готовой к любому перевоплощению, надо быть чуть-чуть шизо. Заметьте, только истинный псих обладает странным умением меняться на глазах, словно голографический рисунок.

Ю. (смеясь). — Спасибо, Клод, спасибо.

Ш. — Я еще не все сказал: актер также не должен быть интеллектуальным типом. Это всегда только портит его.

— По-вашему, получается, что талант — некая безвольная масса, которая под бдительным контролем режиссера превращается...

Ю. — Нет, нет. Разговор оборачивается фарсом. Я, например, считаю, что актер на съемке ни в коем случае не должен быть интеллектуален: это мешает чувству. Только полная одержимость и оциченность от любых примесей из собственной жизни может позволить сыграть. Учтем, однако, что у человека может быть куча неприятностей или радостей, которые отлекают его или мешают, а он по замыслу должен изображать совсем другое. Только огромным, гигантским усилием воли актер может превратиться в «бесчувственную», как говорит Клод, серую или мягкую массу. Так что воля — еще один важнейший элемент.

— В «Мадам Бовари» есть одна сложность. Эмма до самого конца романа так и не знает, что с ней произойдет. И во всем ее облике — должно быть это незнание. Сюжет же Флобера слишком извештен, но Изабель должна была ничего не знать. И она не знала. Вот вам опять закон мягкой массы. Более того, я не люблю даже, когда во время репетиций актер играет. Это лишает образ первозданности. Кстати, Изабель, ты играешь на репетициях?

— Это вопрос для журнального интервью. Клод прекрасно знает, что я не играю никогда. Раскладывать роль по косточкам, по полочкам, обдумывать, театрализовать... Нет, это возбуждает меня куда меньше.

Перевела с французского
Натэла МЕСХИ.